

DOI 10.22363/2313-1683-2021-18-4-825-848

УДК 316.653

Исследовательская статья

Помнить нельзя забыть: особенности социальных представлений о политических репрессиях в двух поколениях потомков репрессированных

И.Б. Бовина¹✉, Т.В. Рябова², В.Ю. Конкин³

¹Московский государственный психолого-педагогический университет,
Российская Федерация, 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29

²Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 1

³Врачебно-летная экспертная комиссия,
Российская Федерация, 101000, Москва, Уланский пер., д. 22, стр. 1

✉ innabovina@yandex.ru

Аннотация. Тема политических репрессий разделяет общество и поляризует публичный дискурс. Осмысление политических репрессий через призму социально-психологического знания – это зона ближайшего развития для исследователей, ибо «суицидальная природа» репрессий, на которую указывает А.М. Эткинд, затрудняет понимание террора, препятствует работе механизмов, которые действуют в обществе, соприкоснувшись с катастрофой такого масштаба и продолжительности. Исследуются социальные представления о репрессиях, а также эмоциональные реакции по отношению к репрессиям и репрессированным у потомков репрессированных – их детей и внуков. Выборка состояла из 110 человек (61,82 % женщин) в возрасте от 44 до 78 лет, 93,63 % – с высшим образованием, и включала три группы: *поколение детей* (21 человек, $M = 59,52$ лет, $SD = 9,04$); *поколение внуков* (63 человека, $M = 54,71$ года, $SD = 7,66$); группа контроля (26 человек, $M = 53,65$ года; $SD = 7,72$). Опрос в форме анкетирования с последующим прототипическим анализом ассоциаций позволил выявить структуру представлений о репрессиях в трех группах. Для анализа эмоциональных реакций использовался факторный анализ оценок по 38 шкалам. Характеристики структуры социальных представлений (зон ядра и периферии) согласуются с первоначальной гипотезой о том, что потомками предположительно травматическое событие репрессий воспринимается как личное, а респондентами контрольной группы – как социальное. Различий по выраженности эмоциональных реакций по отношению к категориям «репрессии» и «репрессированные» между поколениями не выявлено. Объединенная группа потомков значительно отличается от контрольной группы большей выраженностью показателей при оценке категории «репрессии» по факторам «Тревога», «Депрессия», «Горевание», а при оценке категории «репрессированные» – по «Гореванию». Изучение социальных представлений о прошлом позволило говорить о коллективной памяти о репрессиях в двух поко-

лениях потомков репрессированных; в структуре внутреннего мира поколений потомков репрессии – личное событие семейной истории, окрашенное скорбными чувствами разной степени интенсивности и глубины.

Ключевые слова: коллективная память, социальные представления о прошлом, репрессии, репрессированные, потомки репрессированных, горевание

Введение

Репрессии, которые последовали за Октябрьской революцией 1917 года и продолжались вплоть до смерти Сталина в 1953 году, – один из самых трагичных периодов в советской истории. Волны репрессий носили непредсказуемый характер, «...и вешали, и расстреливали, и сжигали <...> 5 сентября 1918 года правительство легализовало террор, издав знаменитый декрет «О красном терроре»» (Яковлев, 2003. С. 119). В начале 1920-х годов врагами были политические оппоненты, в конце 1920-х годов их сменили «вредители», в начале 1930-х – «кулаки» (Эпплбаум, 2017). Своего апогея репрессии достигли во время Большого террора – в 1937–1938 годов. За семнадцать месяцев (1937–1938 годы) было арестовано 1,7 миллионов человек, расстреляно – более 700 тысяч, отправлено в лагеря – 300–400 тыс. (Коэн, 2011). После Большого террора с его «показательными процессами» – новые *враги* и новые жертвы: представители этнических групп; люди, побывавшие в немецком плену или на оккупированной территории; представители профессиональных групп. В конце 1940-х годов – повторно забирали тех, кто прошел через ГУЛАГ, выжил и освободился... (Эпплбаум, 2017).

Категория *врага* была конструкцией, преступлением было не то, что совершил человек, а то, кем он являлся (Эпплбаум, 2017). Разрабатывалась специальная риторика для категоризации врага: *враги народа, саботажники, предатели (изменники Родины), диверсанты, классовые враги* и пр. «Кулаков», «буржуазия», социальных паразитов», «антисоветские элементы» и других «классовых врагов», – как подчеркивает Эткинд, – «истребляли за принадлежность к категориям, которые для нас уже не имеют смысла» (Эткинд, 2016. С. 23). Хотя можно полагать, что эта категоризация «врагов народа» – оставила свои следы в памяти и не исчезла.

За демонизацией врага происходила его правовая изоляция и дегуманизация. В частности, заключенным запрещалось обращаться друг к другу «товарищ» в местах заключения, таким образом, происходило исключение «врага» из советской жизни (Эпплбаум, 2017).

Репрессии государственного аппарата, обратившегося против граждан своей страны, были подобны «суициду» (Эткинд, 2016). Эта «суицидальная природа» репрессий затрудняет процесс рационального понимания террора, работу механизмов, которые функционируют в обществе, пережившем катастрофу такого масштаба, а именно: «сознательного стремления узнать о том, что произошло; эмоционального порыва скорбеть о жертвах; активного желания добиться правосудия и отомстить виновным» (Эткинд, 2016. С. 19).

По данным о потерях народонаселения (Эрлихман, 2004) волны террора (красный террор, террор 1923–1934 годов, террор 1935–1941 годов, тер-

пор 1941–1945 годов, террор 1945–1953 годов) унесли жизни 9 550 000 человек, не учитывая 7 000 000 людей, умерших от спровоцированного голода 1932–1933 годов (Эрлихман, 2004). По другим источникам, этот показатель варьирует от 5 до 30 миллионов (Эткинд, 2016) или от 20 до 40 миллионов (Бейкер, Гиппенрейтер, 1995). До сих пор нет точных данных ни о количестве репрессированных, ни о количестве реабилитированных, нет полного списка погибших, отсутствует и полный список палачей, – все это затрудняет понимание репрессий последующими поколениями (Эткинд, 2016).

За время, отделяющее нас от момента развенчания культа личности и начала реабилитации (1956), изменялась позиция по отношению к репрессиям и роли Сталина. Начало действий на государственном уровне относится к эпохе перестройки, когда были предприняты новые шаги (после эпохи оттепели) по реабилитации, когда, наконец, стали печатать свидетельства очевидцев в виде художественной литературы или воспоминаний, когда появились первые кинофильмы, рассказывающие о репрессиях, когда впервые в СССР была проведена публичная акция «Неделя совести» (19–26.11.1988), посвященная памяти жертв репрессий. Закон о реабилитации в более полном варианте, покрывающий период от 7 ноября 1917 года, был принят в 1991 году, цель которого заключалась в восстановлении в правах тех, кто подвергся репрессиям, устранении последствий произвола, материальной компенсации ущерба¹. В 2017 году при участии Президента РФ В.В. Путина был открыт памятник жертвам политических репрессий «Стена скорби» – как попытка не только увековечить память жертв политических репрессий, но и попытка национального примирения². Однако эта отсроченная возможность открыто говорить о трагическом прошлом (фактически – более полувека), несомненно, имеет свою психологическую специфику и последствия.

Тема репрессий по-прежнему остается одной из важных тем, разделяющих общество и поляризующих публичный дискурс. В отношении главной, но не единственной (Яковлев, 2003), политической фигуры, связанной с репрессиями, – Сталина – по-прежнему нет однозначной позиции. Данные социологических опросов демонстрируют динамику отношения к Сталину с 2001 года: от негативного (2001–2006 годы) к безразличному (2008–2012 годы) и позитивному (2014–2019 годы). В 2019 году 70 % респондентов высказались позитивно о роли Сталина в истории страны³, что, вероятно, свидетельствует о том, что положительное отношение к Сталину и положительная оценка его роли в истории страны отражают формирование новой социальной нормы⁴ (Пипия, 2019).

Даже беглого взгляда на период массовых репрессий достаточно для того, чтобы понять трагичность прошлого и предполагать травмирующие

¹ Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 г. № 1761-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619/ (дата обращения: 20.08.2021).

² Стенографический отчет о заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека. 2011. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/10194> (дата обращения: 20.08.2021).

³ Россияне стали равнодушнее к Сталину, 2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/04/10/rossiyane-stali-ravnodushnee-k-stalinu/> (дата обращения: 10.07.2021).

⁴ Пипия К. Динамика отношения к Сталину. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/> (дата обращения: 10.07.2021).

последствия на психологическом уровне не только для непосредственных участников, но и для их потомков. Осмысление репрессий активно предпринималось теми, кому удалось, пройдя через лагеря, выжить и вернуться, или потомками тех, чья судьба трагически оборвалась. Об этом свидетельствует многочисленная художественная и мемуарная литература (Л. Копелев, Е. Гинзбург, А. Жигулин, И. Шихеева-Гайстер и мн. др.). Субъективная ценность рассказа о трагическом периоде своей судьбы (или судьбе близких), вплетенной в историческое прошлое, несомненна. Это действие, если обращаться к идеям Дж. Пеннебейкера (Pennebaker, Chung, 2007), обладает и важными последствиями психотерапевтического толка для самого автора. Научный же анализ проблемы репрессий едва ли предпринимался в рамках психологического знания. Ряд работ выполнен в рамках психотерапевтических традиций (Бейкер, Гиппенрейтер, 1995, Солоед, 2006, 2010).

Осмысление политических репрессий через призму социально-психологического знания – это зона ближайшего развития для исследователей, ибо «суицидальная природа» репрессий, на которую указывает А.М. Эткин, отражается на процессе рационального понимания террора, затрудняет работу механизмов, которые функционируют в обществе, соприкоснувшимся с катастрофой такого масштаба и продолжительности (Эткин, 2016).

На настоящий момент эта предметная область представлена единичными работами: исследование о социальных представлениях в трех поколениях жителей Екатеринбурга, выполненное членом-корреспондентом РАО О.Ю. Зотовой, и представленное на официальном сайте Музея истории Екатеринбурга⁵.

Коллективная память и социальные представления

Сразу оговоримся, что в наши задачи в настоящей статье не входил обзор многообразия линий анализа коллективной памяти, которые стали возникать в рамках социально-психологического знания в конце прошлого столетия в США и в Европе (Jodelet, Haas, 2019). Попытка такого рода уже существует (Григорьев, 2015). Мы же внимательно рассмотрим логику изучения коллективной памяти как социальных представлений о прошлом. Исследование коллективной памяти в логике изучения социальных представлений не является новым (Емельянова, 2019; Jodelet, Haas, 2019; Moliner, Bovina, 2019; Paez, Liu, 2011; Paez et al., 2016; Viaud, 2003; Wagoner, 2015), зачастую принимается по умолчанию, как устоявшийся взгляд, не требующий аргументации на теоретическом и методологическом уровнях, позволим себе в настоящей статье расставить важные акценты, относительно соотношения коллективной памяти и социальных представлений.

С точки зрения М. Хальбвакса, коллективная память – это представления о прошлом (Jodelet, Haas, 2019; Olick, Robbins, 1998). Она объединяет образы и знания о событиях прошлого или о людях. События могут переживаться непосредственно и опосредствованно (Jodelet, Haas, 2019). Эти события совместно конструируются и используются, выполняя социетальные

---

⁵ Зотова О.Ю. Особенности структуры и содержания социальных представлений. URL: <http://12memorial.ru/issledovanie3> (дата обращения: 04.11.2021).

функции (Schuman, Scott, 1989). Например, коллективная память играет ключевую роль в поддержании и мобилизации социальной идентичности – словами Дж. Лиу и Д. Хилтона (2005) – именно благодаря этой функции мы знаем – кто мы такие, откуда и куда мы идем. Коллективная память задает ценности и нормы группы, способствует повышению сплоченности группы (Paez et al., 2016).

Коллективная память в понимании М. Хальбвакса – это продукт совместной деятельности людей, которые вспоминают о каком-то событии как члены группы, и не просто вспоминают, но реконструируют в настоящем свое прошлое, чтобы сделать его понятным (Moliner, Bovina, 2019).

Эти социальные представления о прошлом, составляющие коллективную память, распространяются и актуализируются посредством взаимодействия членов группы, включая институциональное взаимодействие, образование и коммеморативные мероприятия (Paez, Liu, 2011). Это своего рода «образ группы изнутри» (Jodelet, Haas, 2019). Не существует единой коллективной памяти, речь идет о *коллективных памятях*, которые выполняют определенные функции для групп, будучи ограниченными в пространстве и времени (Jodelet, Haas, 2019).

Коллективная память сохраняет события неожиданные и выходящие за рамки обычных, события, которые влияют на значительное количество людей (Paez, Liu, 2011). Такого рода события провоцируют эмоциональную реакцию. Травмирующие события выходят за рамки ординарных, не поддаются контролю, как следствие, требуют последующей когнитивной переработки (Rimé, 2015). События травмирующего характера, которые зачастую оказываются предметом анализа в исследованиях по коллективной памяти, касаются военных событий различного масштаба, депортации, диктатуры, социальных и природных катастроф (Liu, Hilton, 2005). Именно к такому регистру событий относятся политические репрессии, которые происходили в России (СССР) с 7 ноября 1917 года и вплоть до смерти Сталина 5 марта 1953 года (Эпплбаум, 2015).

Словами М. Хальбвакса, коллективная память сохраняет из прошлого только то, что «живет или способно жить в сознании группы, поддерживая память живой» (цит. по: Paez et al., 2016. Р. 541). Событие становится объектом коллективного воспоминания, если оно соответствует ряду критериев (Paez et al., 2016): 1) релевантность социальной идентичности; 2) связь с социальными изменениями или с угрозой группе; 3) эмоциональная нагруженность; 4) присутствие в институциональном и межличностном дискурсе (институциональный дискурс не является унифицированным, полемика, коммуникация на общественном уровне поддерживают память); 5) соответствие актуальным потребностям и целям группы. Несложно заметить, что период прошлого, связанный с политическими репрессиями, соответствует всем этим критериям.

Изменение политического контекста ведет к тому, что происходят трансформации в понимании своего прошлого (Paez et al., 2016). Это справедливо в отношении памяти о репрессиях, на что было указано выше.

Информация, используемая коллективной памятью, соответствует различным уровням: формальный, популярный и неформальный (Paez, Liu, 2011). Формальный уровень подразумевает официальную историю, отраженную в

учебниках, материализованную в монументах и ритуалах, касающиеся прошлого. Популярный уровень включает кинопродукцию и художественную литературу. Неформальный уровень – межличностную коммуникацию, письма, дневники.

Формальный и неформальный уровни могут находиться в противоречии друг с другом. В случае исторического прошлого, связанного с репрессиями, на официальном уровне со времен оттепели до времен перестройки тема репрессий не затрагивалась, популярный уровень оказался под запретом. Однако эта тема активно обсуждалась «на кухне» и не только потомками репрессированных, циркулировали издания «самоиздата».

Для Б. Вагонера (2015), социальные представления – это своего рода носители коллективной памяти, через них прошлое задает настоящее.

Д. Жоделе и В. Ас (2019), анализируя связь конструктов «социальное мышление» и «коллективная память», подчеркивают, что оба конструкта опираются на сходное содержание – образы и понятия, слова и значения, которые ассоциируются со словами путем социальных конвенций. Единство памяти и социального мышления обеспечивается за счет представлений двух типов: «конкретных образов, локализованных во времени, и абстрактных понятий, пересекающих время» (Jodelet, Naas, 2019. P. 9). Будучи частью социального мышления, память включает два процесса: с одной стороны – это объяснение настоящего, базирующееся на схемах прошлого, с другой – это рассуждения, исходной точкой которых являются настоящие социальные условия. Д. Жоделе и В. Ас подчеркивают, что современные условия будут определять то, как видится прошлое, как оно конструируется, вспоминается или подвергается забвению (Jodelet, Naas, 2019).

Вслед за Ж. Вио (Viaud, 2003), соотношение коллективной памяти и социальных представлений представляется возможным продемонстрировать так: 1) память и представления вырабатываются в социальном взаимодействии, в коммуникациях; 2) оба феномена связаны с принадлежностью к группам и ценностям, разделяемым ее членами; 3) содержание представлений и памяти определяется групповой идентичностью, именно группа разрабатывает систему интерпретации мира; 4) память и представления связаны с языком, с помощью которого конструируется символическая реальность, передаются смыслы.

По-видимому, коллективная память о значимых событиях может быть связана с «работой горя» – таким преобразованием опыта травматического события, которое позволяет отнести это событие к прошлому, собрать воедино и осмыслить все переживания, нередко противоречивые, по отношению к этому событию и его участникам. Можно полагать, что в коллективной памяти, с одной стороны, находит свое отражение динамика горевания, а с другой стороны, формы коллективной памяти могут быть социальными и психологическими инструментами, опосредующим работу горя на индивидуальном и групповом уровнях. Любопытной видится идея, согласно которой, требуется два поколения, «чтобы работа горя стала культурно продуктивной. Мертвые травмы не знают, ее переживают выжившие. Исторические процессы катастрофического масштаба наносят травму первому поколению потомков. Их сыновья и дочери – внуки жертв, преступников и свидетелей – испытывают... горе по своим дедам и бабкам» (Эткнд, 2016. С. 13).

Эта идея созвучна представлениям других психоаналитически мыслящих авторов, затрагивающих тему коллективной травмы и работу горя по ее интеграции в психической и социальной жизни (Солоед, 2006, 2010; Volkan, 2001). Работа горя предполагает нелинейную динамику переживаний и идентификаций с утраченным объектом в психике горящего, и она тем сложнее, тем длительнее, чем неоднозначнее и сложнее были обстоятельства потери.

Коллективная травма, как ее определяет Г. Хиршбергер (2018), являет собой такое экстраординарное событие, которое разрушает ткани общества. Очевидно, что коллективная травма становится ключевым событием, требующим понимания, осмысления, а не простого воспоминания. Как отмечает Г. Хиршбергер, коллективная память о таком событии существует далеко вне травмы, в пространстве и времени (2018). Другими словами, потомки тех, кто непосредственно пережил трагические события, вовлечены в этот процесс осмысления. Жертвы трагедии поддерживают память о ней для того, чтобы в последующих поколениях она стала составной частью коллективного self. Жертвы трагедии испытывают потребность в том, чтобы о трагедии помнили (Hirschberger, 2018).

Память о трагическом событии передается в семье из поколения в поколение, и имеет своего рода эмоциональный заряд для тех, кто испытал это событие пусть и косвенным образом, то есть как член семьи (Moliner et al., 2020). Это и позволило нам говорить о том, что у потомков репрессированных имеются коллективные воспоминания (социальные представления о прошлом), с различающейся аффективной нагрузкой и окраской. Это приводит нас к общему *предположению* о трансформации социальных представлений о репрессиях по мере увеличения «дистанции» от репрессий (дистанция понимается как поколение, то есть дети и внуки репрессированных).

Общее предположение было конкретизировано в двух следующих *гипотезах*:

1. Представления о репрессиях кристаллизуются в трех группах вокруг элементов с негативной валентностью, указывающих на несправедливость репрессий. Однако в группах потомков репрессии понимаются как личное событие (затрагивают семью респондента) в контрольной группе репрессии рассматриваются как социальное событие.

2. Группы будут различаться по эмоциональным реакциям, относительно репрессий и репрессированных. В *поколении детей* сильнее будут реакции, характерные для периода первоначальной встречи с потерей, а у *поколения внуков* – сильнее выражены реакции, связанные с принятием потери и разнообразными переживаниями в адрес утраченного значимого другого. В *поколении внуков* будут представлены более разнообразные эмоциональные реакции по отношению к репрессиям и репрессированным по сравнению с двумя другими группами (в силу «удаленности» от исследуемого, предположительно, травматического события, в силу опыта осмысления этого события на разных уровнях коллективной памяти для них становятся более доступными те эмоциональные реакции, которые еще не могут быть восприняты, осмыслены и выражены в *поколении детей*).

Наличие противоречий в дискурсе о периоде репрессий при отсутствии его научного осмысления с позиции теории социальных представлений, тра-

диции, которая позволила бы вскрыть процесс социального конструирования смыслов в ответ на коллективную трагедию (Hirschberger, 2018), а также отсутствие знаний о феноменологии психологических последствий репрессий для последующих поколений в семье, – определили **актуальность** темы исследования. В исследованиях, посвященных коллективной памяти, преимущественное внимание уделяется анализу содержательных аспектов исторических событий (Paez, Liu, 2011; Paez et al., 2016). В предлагаемой работе наряду с этим аспектом не меньшее внимание будет уделено эмоциональному измерению социальных представлений о прошлом, это и определило теоретическую значимость настоящего исследования.

Научная новизна нашего исследования заключается в том, что с точки зрения теории социальных представлений описана специфика дискурса о репрессиях и репрессированных *у представителей разных поколений потомков – детей репрессированных и их внуков*.

Целью исследования стал анализ особенностей представлений о репрессиях в двух поколениях потомков репрессированных – их детей и внуков. Излагаемое здесь исследование является частью научно-исследовательского проекта, посвященного изучению коллективной памяти о репрессиях и репрессированных.

Метод и процедура исследования

Выборка состояла из 110 потомков репрессированных в возрасте от 44 до 78 лет (61,82 % женщин), 93,63 % – с высшим образованием. Для построения выборки использовалась стратегия «снежного кома». Выборка не была уравнена по полу. Выборка включала три группы: 1) *поколение детей* (21 человек, $M = 59,52$ лет, $SD = 9,04$); 2) *поколение внуков* (63 человека, $M = 54,71$ года, $SD = 7,66$); 3) группа контроля (26 человек, $M = 53,65$ года; $SD = 7,72$). Поколение в нашем случае – это дистанция до катастрофы (предполагаемого травматического опыта), то есть репрессий. В силу того, что репрессии затронули самые различные профессиональные, социальные, этнические и возрастные группы, то в одно поколение попадают респонденты различного возраста, однако они оказываются в пределах одной и той же «удаленности» (по родственной связи в семье) от тех, кто подвергся репрессиям, более того, мы выделили группы, которые не различаются по возрасту. Обращаясь к классическому определению К. Маннгейма, где поколение определяется через указание на совместно пережитый в сензитивном периоде опыт, который позднее трансформируется в коллективно схожие реакции на основании сформированных ценностей (Рикель, 2019), можно заметить, что все респонденты в силу возраста должны бы попасть в этом смысле в одну категорию: однако, предполагая, что опыт репрессий может по-разному быть представлен у родственников репрессированных в связи с их удаленностью по времени рождения от травмирующего события в семье, мы используем термин «поколение» именно в таком смысле слова – как категорию, отражающую родственную связь в семье, говорим о поколениях в семьях. Это дает основание различать группы респондентов, обозначая дистанцию до трагического исторического события по аналогии с тем, что предлагает А. Эткинд (2016).

Основной *метод* исследования – опрос в виде анкетирования (респондентам предлагалось ответить на вопросы анкеты в онлайн режиме, эта мера существенно расширяла географию нашего исследования, а также оставляла степени свободы для респондентов). Анкета состояла из нескольких частей. В первой части респондентам предлагалась методика свободных ассоциаций (слово-стимул: репрессии). Респондентам предлагалось дать не менее пяти ассоциаций, а затем оценить их валентность (по шкале от –3 (негативная окраска) до +3 (позитивная окраска). Этот прием восходит к работам А.С. Де Розы (1995), неоднократно использовался в исследованиях в рамках теории социальных представлений (например: Бовина, Сачкова, 2020; Galand, Salès-Wuillemin, 2009), что позволяет получить оценку, данную респондентом, а не исследователем, относительно негативной, нейтральной или позитивной коннотации элементов представления (De Rosa, 1995). Важность такой оценки в случае представлений о репрессиях очевидна.

Во второй части респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов о репрессированном члене семьи. В третьей части были представлены шкалы для измерения выраженности эмоциональных реакций респондентов по отношению к двум объектам: «репрессии» и «репрессированные», это позволяло уточнить особенности эмоциональных переживаний, ассоциированных с историческим событием и его участниками (Santos, 2018). Список содержал 38 эмоциональных реакций с позитивной и негативной коннотацией, каждую реакцию предлагалось оценить по шкале от –3 (чувство совершенно не выражено) до +3 (чувство очень сильно выражено), этот методический прием соответствует теории социальных представлений (Santos, 2018).

Заключительная часть анкеты включала социально-демографические вопросы.

Стратегия анализа полученных данных включала следующие процедуры:

1) *прототипический анализ ассоциаций*. Прототипический анализ ассоциаций был выполнен с помощью программы IRaMuTeQ (R interface) (Moliner, Lo Monaco, 2017), была выделена гипотетическая структура представлений о репрессиях в трех группах. Будучи ограниченными рамками статьи, а также принимая во внимание факт, что логика прототипического анализа (Abric, 2003; Moliner, Lo Monaco, 2017) уже была описана в русскоязычной литературе, сошлемся на современные источники (Бовина, Сачкова, 2020; Донцов и др., 2021);

2) *факторный анализ (ФА)* оценок по 38 шкалам (респонденты оценивали выраженность эмоциональных реакций по отношению к репрессиям и репрессированным), с последующим переходом к «новым переменным» (значения показателя α Кронбаха для каждого фактора выступали мерой оценки согласованности пунктов по шкале (Общая психодиагностика, 1987). ФА был выполнен по методу главных компонент, метод ортогонального вращения варимакс (Гусев и др., 1987). Значения по «новым переменным» подвергались сравнению в трех группах.

Способ анализа данных согласуется со стратегиями анализа, описанными в рамках теории социальных представлений (Doise et al., 1992).

Результаты исследования

История семьи

В группе *поколение детей* в 5 случаях из 21 репрессиям были подвергнуты оба родителя (23,81 %), в 7 случаях кроме одного из членов семьи поколения родителей репрессиям подверглись и другие родственники, в том числе – представители другого поколения – дедушки и бабушки (33,33 %). В 16 случаях из 21 репрессированные члены семьи были реабилитированы (76,19 %).

В группе *поколение внуков* в 58 случаев из 63 репрессированы были деды (92,06 %), в 10 случаях из 63 – репрессиям подверглись дедушка и бабушка (15,87 %). В 46 случаях репрессированные члены семьи были реабилитированы (73,01%), в 17 – нет.

Особенности социальных представлений о репрессиях

Гипотетические структуры социальных представлений о репрессиях в трех изучаемых группах, выявленные на основе среднего значения по частоте и по рангу появления, представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Прототипический анализ представлений о репрессиях в трех группах респондентов (гипотетическая структура) / Prototypical analysis of the representations of repressions in the three groups of respondents (the hypothetical structure of social representations)

Зоны представлений о репрессиях / Zones of representations on repressions	Группы / Groups		
	Поколение детей / Generation of children (4; 2,91)*	Поколение внуков / Generation of grandchildren (8,45; 2,51)	Группа контроля / Control group (4,77; 2,81)
Зона ядра / Core zone	Несправедливость / injustice (1,4)**; Гулаг / Gulag (1,2); члены моей семьи / members of my family (7,0)	Сталин / Stalin (1,0); произвол / lawlessness (1,0)	Несправедливость / injustice (1,1); Гулаг / Gulag (1,3); страх / fear (1,8); произвол / lawlessness (2,8)
Зона контрастирующих элементов / Contrasted elements zone	Произвол / lawlessness (1,0)	Расстрел / execution (1,0); боль / pain (1,0); террор / terror (1,2)	Унижение / humiliation (1,0); Сталин / Stalin (2,0); пытки / torture (1,0)
Первая периферическая система / First peripheral zone	Страх / fear (1,2); унижение / humiliation (1,2); голод / hunger (1,0); Сталин / Stalin (1,0)	Страх / fear (1,1); Гулаг / Gulag (1,2)	Расстрел / execution (1,4)
Вторая периферическая система / Second peripheral zone	Расстрел / execution (1,0); безнадежность / hopelessness (1,5); тюрьма / prison (4,0)	Геноцид / genocide (1,0); несправедливость / injustice (1,0); лишение прав / deprivation of rights (1,0); смерть / death (1,7)	Предатели / traitors (2,5); ссылка / exile (3,2); смерть / death (2,5); лишение прав / deprivation of rights (1,7); насилие / violence (1,0)

Примечание: * – в скобках указаны границы четырех зон гипотетической структуры представления, выявленные на основе среднего значения по частоте и по рангу появления; ** – в скобках указано среднее значение по валентности для каждого понятия (негативная – [1;3], нейтральная (3;5) и позитивная [5;7]).

Note: * – four zones of the hypothetical structure were revealed by the usage of the rank-frequency method; ** – the average valence for each element is indicated in brackets (the valence corresponds to negative [1; 3], neutral (3;5), or positive connotations [5;7] of each element).

В целом обращает на себя внимание относительное сходство содержания представлений в трех группах, это касается присутствия во всех группах

элементов: *несправедливость, Гулаг, произвол, страх, Сталин, расстрел*. Однако логика сравнения представлений связывается с анализом структуры, иерархии элементов представления. Это достигается путем сопоставления элементов одноименных зон представления (табл. 1).

Зона ядра образована элементами с высокой частотой и низким (говорящим о приоритете) рангом появления ассоциации, объединяет потенциальные элементы ядра представления. В группе *поколение детей* в эту зону попадают элементы: *несправедливость, Гулаг, члены моей семьи*. Два первых элемента имеют негативную валентность, что говорит о негативной коннотации элементов, указание на членов семьи имеет максимально позитивную коннотацию. В группе *поколение внуков* зона ядра объединяет элементы с негативной валентностью: *Сталин, произвол*. В группе контроля зона ядра также включает элементы с негативной валентностью: *несправедливость, Гулаг, страх, произвол*. Для респондентов из трех групп репрессии связываются с несправедливостью и незаконностью (элементы: *несправедливость (поколение детей* и группа контроля) и *произвол (поколение внуков* и группа контроля). Обращает на себя внимание персонификация, имеющая место в двух группах респондентов. Так, в случае *поколения детей* в указании на связь семьи с репрессиями можно усмотреть акцентирование в представлении о репрессиях жертв, тех на кого были направлены репрессии, и элемент *Гулаг* – это указание на машину репрессий. *Член моей семьи* – по сути, это указание на идентичность респондентов, вероятно, усиливающее близость этих событий для респондента. В группе *поколение внуков* присутствие в зоне ядра элемента *Сталин* – персонифицирует сторону, ответственную за репрессии. В зоне ядра в группе контроля кроме указаний на несправедливость (*несправедливость, произвол*) и машину репрессий (*Гулаг*) присутствует указание на эмоциональную реакцию, ассоциированную с репрессиями – *страх*.

Зона контрастирующих элементов (табл. 1) состоит из элементов с низкой частотой и низким рангом. Как подчеркивает Ж.-К. Абрик: «Есть темы, заявленные немногими людьми (низкая частота), но которые считают их очень важными. Эта конфигурация может выявить существование подгруппы меньшинства с другим представлением <...> Но мы также можем найти здесь <...> дополнение к первой периферии» (Abric, 2003. P. 63). В группе *поколение детей* в этой зоне находится только один элемент, имеющий негативную валентность: *произвол*, созвучный теме несправедливости репрессий. В группе *поколение внуков* эта зона представления образована тремя элементами с негативной валентностью: *расстрел, боль, террор*. В группе контроля в этой зоне располагаются три элемента с негативной валентностью: *унижение, Сталин, пытки*.

Первая периферическая зона объединяет элементы с высокой частотой и высоким рангом (табл. 1), это своего рода запоздалая мысль об объекте представления. В группе *поколение детей* в этой зоне располагаются элементы с негативной валентностью: *страх, унижение, голод, Сталин*. Таким образом, помня о репрессиях, представители этого поколения потомков, во вторую очередь подразумевают эмоциональные реакции, ассоциированные с репрессиями, условия репрессированных и сторону, ответственную за ре-

прессии. В группе *поколение внуков* в первой периферии находятся два элемента с негативной валентностью: *страх*, *Гулаг*. В группе контроля один элемент с негативной валентностью располагается в этой зоне: *расстрел*. Обращает на себя внимание, что у потомков в этой зоне есть указание на страх как эмоциональную реакцию, сопряженную с событием, а в группе контроля страх – в зоне ядра.

Вторая периферическая система (низкочастотные и высокоранговые ассоциации) соответствует индивидуальной памяти, индивидуальному опыту, объединяя широкий спектр элементов, позволяющий контекстуализировать ядро представления. В группе *поколение детей* здесь располагаются элементы с негативной валентностью: *расстрел* и *безнадежность*, а также элемент с нейтральной валентностью – *тюрьма*. Наряду с эмоциональными переживаниями в этой зоне располагается указания на реализацию репрессий. В группе *поколение внуков* эта зона образована элементами с негативной валентностью. Речь идет о способах реализации репрессий (*геноцид*, *лишение прав*), находим здесь и элемент зоны ядра (*несправедливость*). В группе контроля находим элементы с негативной валентностью: *предатели*, *лишение прав*, *смерть*, *насилие*. Элемент с нейтральной валентностью – *ссылка*. Обращает внимание присутствие в этой зоне представления элемента, принадлежащего к специально разработанной риторике для категоризации врага: *предатели*.

Эмоциональные реакции по отношению к репрессиям и репрессированным

Эмоциональные реакции по отношению к репрессиям. В результате процедуры ФА было выделено 8 факторов, объясняющих 66,83 % от общей дисперсии (КМО = 0,796). *Фактор 1* (15,73 %) объединил переменные: угнетенность (0,85), страх (0,77), усталость (0,75), чувство одиночества (0,73), подавленность (0,73), тоска (0,69), отчаяние (0,67), паника (0,64), унижение (0,56), ужас (0,55); и получил название «Тревога». *Фактор 2* (10,42 %) состоял из шкал: признательность (0,88), восхищение (0,85), благодарность (0,79), гордость (0,76), уважение (0,75), счастье (0,46); этот фактор назван «Ценность другого (репрессированного)». Содержание *Фактора 3* (10,00 %) таково: гнев (0,80), ненависть (0,79), ярость (0,76), желание отомстить (0,72), негодование (0,58); он был назван «Агрессия». *Фактор 4* (9,61 %) включал шкалы: грусть (0,88), печаль (0,81), сожаление (0,80), жалость (0,71), и был обозначен – «Депрессия». *Фактор 5* (6,20 %) образован шкалами: антипатия (0,71), отвращение (0,7), презрение (0,65), стыд (0,46), назван «Малоценность другого». *Фактор 6* (5,66 %) объединяющий переменные: сопереживание (0,67), чувство несправедливости (0,66), горе (0,56), вина (0,40), был назван «Горевание». В *Факторе 7* (5,21 %) присутствуют переменные: безнадежность (0,68), беспомощность (0,62), этот фактор обозначен нами как «Ощущение потери контроля». *Фактор 8* (4,01 %) объединил переменные: безразличие (0,87), зависть (0,45), обида (0,40) и получил название «Дистанцирование (от репрессий)».

Показатели α Кронбаха, рассчитанные для каждого фактора, варьировали от 0,69 до 0,91, это позволило перейти к *новым переменным* (табл. 2).

Попарное сравнение по *новым переменным* с помощью *t*-критерия Стьюдента позволило выявить различия между группами: *поколение детей* и группой контроля по *переменной* «Ценность другого» ($t = -2,14, p < 0,05$), по *переменной* «Горевание» ($t = -2,285, p < 0,05$) – показатели в группе *поколение детей* были более выраженными, чем в группе контроля. По *переменной* «Депрессия» показатели имели тенденцию к разнице – более высокие в группе *поколение детей*, чем в группе контроля ($t = -1,85, p < 0,1$).

Поколение внуков и группа контроля отличаются по *переменным*: «Депрессия» и «Горевание» ($t = -2,1$ и $t = -3,043, p < 0,05$), показатели в группе *поколение внуков* оказались более высокими, чем в группе контроля.

Сравнение по *новым переменным* в объединенной группе потомков и в контрольной группе позволяет говорить о том, что показатели в группе потомков выше, чем в группе контроля по *переменным* «Тревога», «Депрессия», «Горевание» (соответственно: $t = -1,99, p < 0,05$, $t = -2,54, p < 0,025$, $t = -3,31, p < 0,001$).

Таблица 2 / Table 2

Среднее значение и стандартное отклонение по *новым переменным* в трех группах респондентов (эмоциональные реакции в отношении репрессий) / Mean and standard deviation of *new variables* in three groups of respondents (emotional reactions to repression)

Новые переменные / New variables	Группы респондентов / Groups of respondents		
	<i>Поколение детей / Generation of children, M (SD)</i>	<i>Поколение внуков / Generation of grandchildren, M (SD)</i>	Группа контроля / Control group, M (SD)
Тревога / Anxiety	3,75 (1,81)	3,96 (1,53)	3,18 (1,71)
Ценность другого (репрессированного) / Value of the other (repressed)	2,54 (1,56)	2,06 (1,27)	1,65 (1,23)
<i>Агрессия / Aggression</i>	<i>4,34 (1,54)</i>	<i>4,69 (1,55)</i>	<i>4,08 (1,53)</i>
<i>Депрессия / Depression</i>	<i>5,54 (1,16)</i>	<i>5,40 (1,28)</i>	<i>4,70 (1,65)</i>
<i>Малоценность другого (репрессированного) / Low value of the other (repressed)</i>	<i>4,05 (1,41)</i>	<i>3,75 (1,86)</i>	<i>3,50 (1,58)</i>
<i>Горевание / Grieving</i>	<i>5,46 (1,04)</i>	<i>5,38 (0,95)</i>	<i>4,57 (1,49)</i>
<i>Ощущение потери контроля / Feeling of loss of control</i>	<i>3,95 (2,05)</i>	<i>4,28 (1,83)</i>	<i>3,50 (1,91)</i>
Дистанцирование (от репрессий) / Distancing (from repression)	2,40 (1,03)	2,26 (1,01)	1,89 (0,86)

Примечание: курсивом выделены те переменные, которые были оценены респондентами как характеризующие их реакцию в отношении репрессий.

Note: variables that were evaluated by respondents as characterizing their reaction towards repression are highlighted in italics.

Эмоциональные реакции по отношению к репрессированным. Идентичная процедура ФА была выполнена в случае эмоциональных реакций по отношению к репрессированным по 38 шкалам. Выделенные 9 независимых факторов объясняют 68,2 % от общей дисперсии (КМО = 0,76). Сходство

переменных, вошедших в каждый фактор при анализе данных по категории «репрессированные», позволило назвать факторы аналогично.

Фактор 1 (14,23 %), объединивший переменные: угнетенность (0,82), подавленность (0,81), усталость (0,70), паника (0,69), унижение (0,68), страх (0,67), чувство одиночества (0,64), тоска (0,58), ужас (0,55), отчаяние (0,54), получил название «Тревога».

Фактор 2 (11,32 %) включил переменные: восхищение (0,90), благодарность (0,86), признательность (0,82), уважение (0,79), гордость (0,79), чувство вины (0,46). Этот фактор был обозначен – «Ценность другого».

Фактор 3 (10,89 %) содержит переменные: грусть (0,82), сожаление (0,80), сопереживание (0,77), печаль (0,72), жалость (0,68), чувство несправедливости (0,67), горе (0,56), он был назван «Горевание».

Фактор 4 (7,22 %) включает шкалы: гнев (0,75), ненависть (0,70), негодование (0,70), ярость (0,57) и может быть назван – «Агрессия».

Фактор 5 (6,75 %) соединил переменные: антипатия (0,76), презрение (0,75), отвращение (0,72), и был обозначен – «Малоценность другого».

Фактор 6 (5,84 %) включающий шкалы: безнадежность (0,86), беспомощность (0,76), обида (0,54) был назван – «Ощущение потери контроля».

Биполярный Фактор 7 (4,37 %), включающий переменные желание отомстить (0,67), счастье (0,48), назван «Последствия».

Фактор 8 (4,3 %) биполярен по своей структуре, объединяет две шкалы: стыд (0,75), безразличие (0,48). Его мы обозначили как «Неприемлемость». Фактор 9 (3,26 %) содержит только одну характеристику – зависть (0,84). Он получил одноименное название.

Большинство значений показателей α Кронбаха варьировали в пределах от 0,75 до 0,89, что позволило выделить только семь *новых переменных* (в двух случаях показатель α был менее 0,6, что не позволило образовать новые переменные) (табл. 3).

Попарные сравнения по *новым переменным* с помощью *t*-критерия позволили выявить различия между группами: *поколение внуков* и группа контроля отличаются друг от друга по *переменной* «Горевание» ($t = -2,37$, $p < 0,05$), показатели в *поколении внуков* оказались более высокими, чем в группе контроля.

Сравнение двух поколений потомков репрессированных не дало значимых различий, что позволило провести сравнение объединенной группы потомков и группы контроля, что позволяет говорить о разнице по *переменной* «Горевание» ($t = -2,46$, $p < 0,025$), показатели потомков репрессированных были выше, чем показатели в группе контроля.

Средние показатели оценки респондентами эмоциональных реакций по отношению к репрессиям и репрессированным варьировали от 1,25 до 5,81. Анализ средних значений показателей по группе позволяет отметить, что выраженность всех показателей не превышает 5 баллов (по 7-балльной шкале).

Эмоциональные реакции, которые были оценены респондентами как выраженные в отношении репрессий, таковы: в группе *поколение детей* – «Депрессия» (5,54), «Горевание» (5,46), «Агрессия» (4,34), «Малоценность другого» (4,05); в группе *поколение внуков* – «Депрессия» (5,4), «Горевание»

(5,38), «Ощущение потери контроля» (5,38), «Агрессия» (4,69); в контрольной группе – «Депрессия» (4,7), «Горевание» (4,57), «Агрессия» (4,08).

Таблица 3 / Table 3

Среднее значение и стандартное отклонение по *новым переменным* в трех группах респондентов (эмоциональные реакции в отношении репрессированных) / Mean and standard deviation of *new variables* in the three groups of respondents (emotional reactions to repressed people)

Новые переменные / New variables	Группы респондентов / Groups of respondents		
	Поколение детей / Generation of children, M (SD)	Поколение внуков / Generation of grandchildren, M (SD)	Группа контроля / Control group, M (SD)
Тревога / Anxiety	3,34 (1,47)	3,48 (1,31)	3,18 (1,62)
Ценность другого / Value of the other (repressed)	3,85 (1,70)	3,20 (1,71)	3,00 (1,49)
Горевание / Grieving	5,76 (1,06)	5,81 (0,99)	5,18 (1,47)
Агрессия / Aggression	3,72 (1,61)	4,33 (1,72)	3,72 (1,61)
Малоценность другого / Low value of the other	2,62 (1,79)	2,56 (1,68)	2,35 (1,76)
Ощущение потери контроля / Feeling of loss of control	4,51 (1,48)	4,36 (1,71)	3,82 (1,66)
Зависть / Envy	1,80 (1,50)	1,25 (0,87)	1,19 (0,50)

Примечание: курсивом выделены те переменные, которые были оценены респондентами как характеризующие их реакцию в отношении репрессированных.

Note: variables that were evaluated by respondents as characterizing their reaction towards repressed people are highlighted in italics.

В случае репрессированных: в группе *поколение детей* – «Горевание» (5,76), «Ощущение потери контроля» (4,51); в группе *поколение внуков* – «Горевание» (5,81), «Ощущение потери контроля» (4,36), «Агрессия» (4,33); в контрольной группе – «Горевание» (5,18).

Обсуждение результатов

Исходным было общее предположение о трансформации социальных представлений о репрессиях по мере увеличения «дистанции» от репрессий (где дистанция – это поколение, то есть дети и внуки репрессированных).

Полученные результаты об *особенностях представлений о репрессиях* демонстрируют следующее: во всех группах респондентов среди потенциальных элементов ядра содержатся указания на несправедливость и незаконность репрессий, эти элементы имеют негативную валентность.

В целом, содержание зоны ядра и периферической системы соответствует логике, описанной П. Молине и Ж.-К. Абриком (2015), которые обращают внимание на особенности элементов ядра и периферической системы. Элементы зоны ядра – это общие характеристики объекта представления, они являются абстрактными и безусловными убеждениями. Элементы периферической системы – это конкретные, контекстуализированные и условные убеждения. В группе *поколение детей* репрессии персонифициру-

ются в жертвах (*члены моей семьи*), которые приближают респондентов к этому событию. В случае *поколения внуков* репрессии персонифицируются в фигуре Сталина, то есть речь идет об ответственной за репрессии стороне. В группе контроля репрессии представляются как несправедливое трагическое событие. В группе *поколение детей* репрессии представляются в большей степени как личное событие, в группе контроля – как социальное событие, это соответствует нашему исходному предположению.

Примечательно, что в случае двух поколений потомков репрессированных указания на эмоциональную реакцию, ассоциированную с репрессиями, имеют второстепенное значение в представлениях о репрессиях. Отнесение к первой периферической системе означает, что речь идет о конкретных, контекстуализированных убеждениях. Представляется, что этот факт соотносится с нашим предположением о том, что потомками репрессированных событие воспринимается как личное, частное, а группой контроля – как социальное. Для последних страх как реакция на событие имеет характер обобщения, а не личной реакции в отличие от потомков. У потомков в семьях репрессированных эта реакция может «задерживаться», вытесняться при воспоминании о репрессиях, потому попадает в первую периферическую систему.

Выявленная структура социальных представлений о репрессиях (другими словами, коллективная память о репрессиях) позволяет говорить о том, что наше первое предположение получает частичную эмпирическую поддержку и требует дальнейшего эмпирического уточнения.

Исходное предположение касалось и различий в **эмоциональных реакциях, ассоциированных с репрессиями и репрессированными** у потомков в сравнении с контрольной группой. Мы полагали, что в *поколении внуков* будут представлены более разнообразные эмоциональные реакции по отношению к репрессиям и репрессированным по сравнению с двумя другими группами. В силу «удаленности» от исследуемого, предположительно, травматического события, в силу опыта осмысления этого события на разных уровнях коллективной памяти для них становятся более доступными те эмоциональные реакции, которые еще не могут быть восприняты, осмыслены и выражены в *поколении детей*. В двух поколениях потомков наиболее выражены разные эмоциональные реакции, ибо для них репрессии – трагическое событие личного характера, для группы контроля – трагическое событие, не имеющее личной составляющей, следовательно, различия с группой контроля по ряду переменных ожидаемы.

Давая названия факторам, по сути – проводя обобщение отдельных реакций, мы исходили из представления о том, что выделенные реакции на репрессии и репрессированных в семье, в кругу близких соответствуют логике динамики реакции утраты. Представляется, что наполнение факторов конкретными эмоциональными реакциями предоставило основания для такого видения.

В сравнении с фактором «Тревога» фактор «Горевание» свидетельствует, на наш взгляд, о продвижении в работе горя, острое шоковое интенсивное реагирование после встречи с потерей сменяется постепенным принятием ее факта и развитием скорбных чувств, постепенным постижением

реальности без утраченного «объекта». Поскольку в данном факторе присутствует переменная «горе», можно полагать, что за этим стоит принятие факта травмирующего опыта, соотнесение скорбных чувств с травмирующим событием. По психологическому содержанию к нему близок фактор «Депрессия», в этом факторе представлены переживания горевания, преимущественно раскрывающее скорбную сторону утраты, ее оплакивание с грустью, печалью, сожалением. В факторах, названных нами «Ценность другого», «Малоценность другого» могут быть отражены, как нам кажется, такие способы отношения к утраченной значимой фигуре как, соответственно, ее идеализация и обесценивание.

Можно отметить, что в целом, все реакции не выражены интенсивно, репертуар тех реакций, о которых можно сказать, что они находятся на границе диагностически значимого уровня, сходен во всех трех группах: все отмечают «Депрессию», «Горевание» и «Агрессию» в отношении репрессий и «Горевание» в отношении репрессированных. При этом в контрольной группе выраженных реакций меньше при оценке обеих категорий. Любопытно, что в отношении репрессий перечень реакций шире, чем в отношении репрессированных. Возможно, что оценка безличной, не персонализированной категории позволяет проявиться тем чувствам, которые пока не могут найти выход в отношении утраченного члена семьи.

Результаты сравнения по этим новым переменным показали, что существует разница между отдельными группами потомков репрессированных и группой контроля, а также группой потомков (в целом) и группой контроля.

Анализ эмоциональных реакций респондентов по отношению к *репрессиям* показал следующие различия (все показатели выше у потомков репрессированных): Группа *поколение детей* отличается от контрольной группы по фактору «Ценность другого». *Поколение внуков* и группа контроля отличались по факторам: «Депрессия» и «Горевание». Сравнение по новым переменным объединенной группы потомков и контрольной группы позволяет говорить о том, что показатели в группе потомков выше, чем в группе контроля по переменным «Тревога», «Депрессия», «Горевание».

Анализ реакций по отношению к *репрессированным* выявил следующие различия (все показатели также выше у потомков репрессированных): *поколение детей* и группа контроля не различаются на строгом уровне значимости. *Поколение внуков* и группа контроля отличаются друг от друга по переменной «Горевание». Сравнение объединенной группы двух поколений потомков репрессированных и группой контроля позволяет говорить о разнице по фактору «Горевание».

Приступая к исследованию, мы полагали, что можно ожидать различия между двумя группами потомков, в частности, что в группе *поколение внуков* можно обнаружить большую вариативность переживаний, большее принятие травматического события, возможность испытывать разные, амбивалентные чувства по отношению к репрессированному. В нашем исследовании различий между поколениями не выявлено. Обнаружено, что группа *поколение детей* не отличается от группы контроля, а группа *поколение внуков* отличается от контрольной выраженностью эмоциональных реакций депрессивного спектра, соотносимых с горестным событием. Обе группы по-

томков в целом отличаются от контрольной группы при оценке категории «репрессии» по факторам «Тревога», «Депрессия», «Горевание», а при оценке категории «репрессированные» – по «Гореванию».

Таким образом, по эмоциональной оценке и репрессий, и репрессированных мы видим сходные данные: *поколение внуков* и *поколение детей* не отличаются, различия между объединенной группой потомков репрессированных и группой контроля выражены по факторам, содержащим переживания спектра тревоги, печали, сожаления. Это сочетается с тем, что анализ структуры социальных представлений позволил отметить, что группой потомков, в первую очередь, детьми, репрессии воспринимаются как личное событие, а группой контроля – как социальное. Полученные результаты означают, что, хотя от начала и апогея периода репрессий нас отделяет большой временной промежуток, в структуре внутреннего мира поколений потомков репрессии – личное событие семейной истории, окрашенное скорбными чувствами разной степени интенсивности и глубины.

В логике изучения коллективной памяти были выявлены особенности «коллективных памяти» (Jodelet, Haas, 2019), которые разделяются разными поколениями потомков. Можно говорить о том, что эмпирическую поддержку получила идея о том, что: «Исторические процессы катастрофического масштаба наносят травму первому поколению потомков. Их сыновья и дочери – внуки жертв, преступников и свидетелей – испытывают ...горе по своим дедам и бабкам» (Эткинд, 2016. С. 13).

Заключение

С опорой на социально-психологические идеи о том, что коллективная память – это социальные представления о прошлом, своего рода «образ группы изнутри» (Jodelet, Haas, 2019), нами было предпринято исследование, цель которого заключалась в анализе особенностей представлений о репрессиях в двух поколениях потомков репрессированных (их детей и внуков). Изучение социальных представлений о прошлом позволило нам говорить о коллективной памяти о репрессиях в двух поколениях потомков репрессированных. Память об этом трагическом событии передается из поколения в поколение, она имеет, насколько позволяют судить результаты нашего исследования, аффективно различающуюся нагрузку и окраску для членов семьи репрессированных, принадлежащих разным ее поколениям.

К ограничениям настоящего исследования можно отнести малочисленность группы *поколение детей*, невозможность выравнивания групп потомков репрессированных по половозрастному признаку. Обозначая направления последующего изучения проблемы коллективной памяти о политических репрессиях в поколениях потомков репрессированных, представляется интересным рассматривать то, что происходит с социальными представлениями о трагическом прошлом в двух-трех поколениях одной и той же семьи.

Список литературы

Бейкер К., Гиппенрейтер Ю.Б. Влияние сталинских репрессий конца 30-х годов на жизнь семей в трех поколениях // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 66–83.

- Бовина И.Б., Сачкова М.Е. Подчинение и неподчинение в понимании студенческой молодежи: поисковое исследование // Психология и право. 2020. Т. 10. № 4. С. 76–92. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100406>
- Григорьев Д.С. Исследование коллективной памяти в зарубежных социальных науках // Актуальные проблемы исследования массового сознания: материалы 2-й Международной научно-практической конференции / отв. ред. В.В. Константинов. М.: Перо, 2015. С. 225–243.
- Гусев А.Н., Измайлов Ч.М., Михайлевская М.Б. Измерение в психологии. Общий психологический практикум. М.: Смысл, 1987. 281 с.
- Донцов А.И., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В. Социальные представления о коронавирусе в начале пандемии в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 2. С. 422–444. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444>
- Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 299 с.
- Коэн С. Жизнь после ГУЛАГа: возвращение сталинских жертв. М.: АИРО-XXI, 2011. 208 с.
- Общая психодиагностика / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Изд-во МГУ, 1987. 269 с.
- Рикель А.М. Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на «своем поле» или на «ничьей земле»? // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 9–18. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100202>
- Солоед К.В. Психическая травма в семьях, пострадавших от сталинских репрессий // Консультативная психология и психотерапия. 2006. № 4. URL: <https://psyjournals.ru/mpj/2006/n4/1787.shtml> (дата обращения: 09.06.2021).
- Солоед К.В. Психологические последствия репрессий 1917–1953 годов в судьбах отдельных людей и в обществе // Журнал практической психологии и психоанализа: 2010. № 4 URL: <https://psyjournal.ru/articles/psihologicheskie-posledstviya-repressiy-1917-1953-godov-v-sudbah-otdelnyh-lyudey-i-v> (дата обращения: 09.06.2021).
- Эпплбаум Э. Гулаг. М.: АСТ, 2017. 688 с.
- Эрлихман В. Потери народонаселения в XX веке: справочник. М.: Русская панорама, 2004. 176 с.
- Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.
- Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Материк, 2003. 672 с.
- Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales // Méthodes d'étude des représentations sociales / ed. by J.-C. Abric. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. Pp. 59–80.
- De Rosa A.S. Le réseau d'associations comme méthode d'étude dans la recherche sur les RS: structure, contenus polarité du champ sémantique // Cahiers Internationaux Psychologie Sociale. 1995. Vol. 28. Pp. 96–122.
- Doise W., Clémence A., Lorenzi-Cioldi F. Représentations sociales et analyses de données. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1992.
- Galand C., Salès-Wuillemin E. La représentation des drogues chez les étudiants en psychologie: effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage // Les Cahiers Internationaux Psychologie Sociale. 2009. Vol. 84. Pp. 125–152.
- Hirschberger G. Collective trauma and the social construction of meaning // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01441>
- Jodelet D., Haas V. Mémoires et représentations sociales // Repenser la théorie des représentations sociales / ed. by F. Emiliani, A. Palmonari. Paris: Éditions des Archives Contemporaines, 2019. Pp. 89–103.
- Liu J., Hilton D. How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics // British Journal of Social Psychology. 2005. Vol. 44. Pp. 1–21. <https://doi.org/10.1348/014466605X27162>
- Moliner P., Abric J.-C. Central core theory // The cambridge handbook of social representations / ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: Cam-

- bridge University Press, 2015. Pp. 83–95. (Cambridge Handbooks in Psychology). <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.009>
- Moliner P., Bovina I.* Architectural forms of collective memory // *International Review of Social Psychology*. 2019. Vol. 32. <https://doi.org/10.5334/irsp.236>
- Moliner P., Bovina I., Rikel A., Fedorova N.* Émotions du passé et émotions du futur dans les représentations sociales de la guerre. Une étude exploratoire en Russie // *Adrips Online Meeting*. 2020. URL: https://osf.io/7r95w/?view_only=773e613c7ff6c449895cdb8f672958fd5 (accessed: 20.09.2021).
- Moliner P., Lo Monaco G.* Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales. Grenoble: PUG, 2017. 190 p.
- Olick J.K., Robbins J.* Social memory studies: from “collective memory” to the historical sociology of mnemonic practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. Pp. 105–140.
- Paez D., Bobowik M., De Guissem L., Liu J.H., Licata L.* Mémoire collective et représentations sociales de l'Histoire // *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications* / ed. by G. Lo Monaco, S. Delouée, P. Rateau. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2016. Pp. 539–552.
- Paez D.R., Liu J.* Collective memory of conflicts // *Frontiers of social psychology. Intergroup conflicts and their resolution: a social psychological perspective* / ed. by D. Bar-Tal. Psychology Press, 2011. Pp. 105–124.
- Pennebaker J.W., Chung C.K.* Expressive writing, emotional upheavals, and health // *Foundations of health psychology* / ed. by H.S. Friedman, R.C. Silver. New York, NY: Oxford University Press, 2007. Pp. 263–284
- Rimé B.* Le partage social des émotions. Paris: Presses Universitaires de France, 2005. 420 p.
- Santos A.M.D.* Impact of the Truth Commission on the social representations of history in Brazil. PhD Thesis. Florianópolis: University of Santa Catarina, 2018. 189 p.
- Schuman H., Scott J.* Generations and collective memory // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54. Pp. 359–381.
- Viaud J.* Mémoire collective, représentations sociales et pratiques sociales // *Connexions*. 2003. 80. Pp. 13–30. <https://doi.org/10.3917/cnx.080.0013>
- Volkan V.* Transgenerational transmissions and chosen traumas: an aspect of large-group identity // *Group Analysis*. 2001. Vol. 34. Pp. 79–97. <https://doi.org/10.1177/05333160122077730>
- Wagoner B.* Collective remembering as a process of social representation // *The Cambridge Handbook of Social Representations* / Ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. Pp. 143–162. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.013>

История статьи:

Поступила в редакцию 26 августа 2021 г.

Принята к печати 10 ноября 2021 г.

Для цитирования:

Бовина И.Б., Рябова Т.В., Конкин В.Ю. Помнить нельзя забыть: особенности социальных представлений о политических репрессиях в двух поколениях потомков репрессированных // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2021. Т. 18. № 4. С. 825–848. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-4-825-848>

Сведения об авторах:

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет. ORCID: 0000-0002-9497-6199, eLIBRARY SPIN-код: 9663-3747, AuthorID: 276224. E-mail: innabovina@yandex.ru

Рябова Татьяна Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Институт психологии имени Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет. ORCID: 0000-0002-1517-2978, eLIBRARY SPIN-код: 2783-9961, Author ID: 895963. E-mail: riabova07@mail.ru

Конкин Владислав Юрьевич, психолог, Врачебно-летняя экспертная комиссия. ORCID: 0000-0001-7325-1829. E-mail: vladis.konkin@ya.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2021-18-4-825-848

Research article

To Remember or to Forget: Political Repression in the Collective Memory of Descendants

Inna B. Bovina¹✉, Tatiana V. Ryabova², Vladislav Y. Konkin³

¹Moscow State University of Psychology and Education,
29 Sretenka St, Moscow, 127051, Russian Federation

²Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Ploshchad', bldg 1, Moscow, 127047, Russian Federation

³Medical and Flight Expert Commission,
22 Ulanskii Pereulok, bldg 1, Moscow, 101000, Russian Federation

✉ innabovina@yandex.ru

Abstract. The question of political repression divides society and polarizes public discourse. Understanding political repression through the prism of socio-psychological knowledge is a zone of proximal development for researchers, because the “suicidal nature” of repression, which A.M. Etkind points out, makes it difficult to understand terror, hinders the work of mechanisms that operate in a society that has come into contact with a catastrophe of such magnitude and duration. The study is devoted to the study of social ideas about “repression”, as well as emotional reactions towards repression and the repressed among the descendants of the repressed, i.e., their children and grandchildren. A total of 110 people (61.82% – females) aged 44 to 78 years, 93.63% with higher education, participated in the study. The sample included three groups: the generation of children (21 people, M = 59.52 years; SD = 9.04); the generation of grandchildren (63 people, M = 54.71 years; SD = 7.66); and the control group (26 people, M = 53.65 years; SD = 7.72). A survey in the form of a questionnaire was used, followed by a prototypical analysis of associations, which made it possible to identify the structure of ideas about repression in the three groups. To analyze emotional reactions, a factor analysis of scores on 38 scales was carried out, followed by an analysis on the new variables. The characteristics of the structure of social representations (the core and periphery zones) are consistent with the initial hypothesis that the supposedly traumatic event of repression is perceived as a personal one by the descendants but as a social one by the respondents of the control group. There were no differences in the severity of emotional reactions in relation to the category of “repressions” and “repressed” between the generations. The combined group of descendants significantly differs from the control group in the greater severity of indicators when assessing the category of “repression” by the factors of “Anxiety”, “Depression” and “Grief”, and when assessing the category of “repressed” by the factor of “Grief”. The results of the study of social ideas about the past allow us to talk about the collective

memory of repression in two generations of the descendants of the repressed: in the structure of the inner world of generations of descendants, repression is a personal event of family history, colored by sorrowful feelings of varying degrees of intensity and depth.

Key words: collective memory, social representations of the past, repressions, repressed people, descendants of repressed people, grief

References

- Abric, J.-C. (2003). La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales. In J.-C. Abric (Ed.), *Méthodes d'étude des représentations sociales* (pp. 59–80). Ramonville Saint-Agne: Erès.
- Applebaum, A. (2017). Gulag: A history of the Soviet camps. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Baker, C., & Gippenreiter, Yu.B. (1995). The impact of Stalin's repressions of the late 30s on the lives of families in three generations. *Voprosy Psichologii*, (3), 66–83. (In Russ.)
- Bodalev, A.A., & Stolin, V.V. (Eds.). (1987). *General psychodiagnostics* Moscow: Publishing House of Moscow State University. (In Russ.)
- Bovina, I.B., & Sachkova, M.Ye. (2020). Obedience and disobedience in the understanding of Russian students: An exploratory study. *Psychology and Law*, 10, 76–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100406>
- Cohen, S. (2011). *The victims return: Survivors of the Gulag after Stalin*. Moscow: AIRO-XXI Publ. (In Russ.)
- De Rosa, A.S. (1995). Le réseau d'associations comme méthode d'étude dans la recherche sur les RS: Structure, contenus polarité du champ sémantique. *Cahiers Internationaux Psychologie Sociale*, 28, 96–122.
- Doise, W., Clémence, A., & Lorenzi-Cioldi, F. (1992). Représentations sociales et analyses de données. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble.
- Dontsov, A.I., Zotova, O.Y., & Tarasova, L.V. (2021). Social representations of the coronavirus at the beginning of the pandemic in Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(2), 422–444. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444>
- Ehrlichman, V. (2004). *Population losses in the twentieth century: Reference book*. Moscow: Russkaya Panorama Publ.
- Emelyanova, T.P. (2019). *Collective memory of the events of national history: Social psychological approach*. Moscow: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences." (In Russ.)
- Etkind, A. (2016). *Warped mourning: Stories of the undead in the land of unburied*. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ. (In Russ.)
- Galand, C., & Salès-Wuillemin, E. (2009). La représentation des drogues chez les étudiants en psychologie: Effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage. *Les Cahiers Internationaux Psychologie Sociale*, 84, 125–152.
- Grigoriev, D.S. (2015). Research of collective memory in foreign social sciences. In V.V. Konstantinov (Ed.), *Actual Problems of Mass Consciousness Research: Materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference* (pp. 225–243). Moscow: Pero Publ. (In Russ.)
- Gusev, A.N., Izmailov, Ch.M., & Mikhalevskaya, M.B. (1987). *Measurement in psychology. General psychological practical course*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Hirschberger, G. (2018). Collective trauma and the social construction of meaning. *Frontiers in Psychology*, 9. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01441>
- Jodelet, D., & Haas, V. (2019). Mémoires et représentations sociales. In F. Emiliani & A. Palmonari (Eds.), *Repenser la Théorie des Représentations Sociales* (pp. 89–103). Paris: Éditions des Archives Contemporaines.
- Liu, J., & Hilton, D. (2005). How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics. *British Journal of Social Psychology*, 44, 1–21. <https://doi.org/10.1348/014466605X27162>

- Moliner, P., & Abric, J.-C. (2015). Central core theory. In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell & J. Valsiner (Eds.), *The Cambridge Handbook of Social Representations* (pp. 8–95). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.009>
- Moliner, P., & Bovina, I. (2019). Architectural forms of collective memory. *International Review of Social Psychology*, 32. <https://doi.org/10.5334/irsp.236>
- Moliner, P., & Lo Monaco, G. (2017). *Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales*. Grenoble: PUG.
- Moliner, P., Bovina, I., Rikel, A., & Fedorova, N. (2020). Émotions du passé et émotions du futur dans les représentations sociales de la guerre. Une étude exploratoire en Russie. *Adrips Online Meeting*. Retrieved September 20, 2021, from https://osf.io/7r95w/?view_only=773e613c7f6c449895cdb8f672958fd5
- Olick, J.K., & Robbins, J. (1998). Social memory studies: From “collective memory” to the historical sociology of mnemonic practices. *Annual Review of Sociology*, 24, 105–140.
- Paez, D., Bobowik, M., De Guissem, L., Liu, J.H., & Licata, L. (2016). Mémoire collective et représentations sociales de l'Histoire. In G. Lo Monaco, S. Delouvée & P. Rateau (Eds.), *Les Représentations Sociales. Théories, Méthodes et Applications* (pp. 539–552). Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur.
- Paez, D.R., & Liu, J. (2011). Collective memory of conflicts. In D. Bar-Tal (Ed.), *Frontiers of Social Psychology. Intergroup Conflicts and Their Resolution: A Social Psychological Perspective* (pp. 105–124). Psychology Press.
- Pennebaker, J.W., & Chung, C.K. (2007). Expressive writing, emotional upheavals, and health. In H.S. Friedman & R.C. Silver (Eds.), *Foundations of Health Psychology* (pp. 263–284). New York, NY: Oxford University Press.
- Rikel, A.M. (2019). Generation as a social-psychological research object: Playing at home or an away match? *Social Psychology and Society*, 10, 9–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2019100202>
- Rimé, B. (2005). *Le partage social des émotions*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Santos, A.M.D. (2018). *Impact of the Truth Commission on the social representations of history in Brazil*. PhD Thesis. Florianópolis: University of Santa Catarina
- Schuman, H., & Scott, J. (1989). Generations and collective memory. *American Sociological Review*, 54, 359–381.
- Soloed, C.V. (2006). Mental trauma in families affected by Stalin's repressions. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, (4). (In Russ.) Retrieved June 9, 2021, from <https://psyjournals.ru/mpj/2006/n4/1787.shtml>
- Soloed, C.V. (2010). Psychological consequences of the repressions of 1917–1953 in the destinies of individuals and society. *Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis*, (4). (In Russ.) Retrieved June 9, 2021, from <https://psyjournal.ru/articles/psihologicheskiesposledstviya-repressiy-1917-1953-godov-v-sudbah-otdelnyh-lyudey-i-v>
- Viaud, J. (2003). Mémoire collective, représentations sociales et pratiques sociales. *Connexions*, 80, 13–30. <https://doi.org/10.3917/cnx.080.0013>
- Volkan, V. (2001). Transgenerational transmissions and chosen traumas: An aspect of large-group identity. *Group Analysis*, 34, 79–97. <https://doi.org/10.1177/05333160122077730>
- Wagoner, B. (2015). Collective remembering as a process of social representation. In G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell & J. Valsiner (Eds.), *The Cambridge Handbook of Social Representations* (pp. 143–162). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.013>
- Yakovlev, A.N. (2003). *Twilight*. Moscow: Materik Publ. (In Russ.)

Article history:

Received 26 August 2021

Revised 7 November 2021

Accepted 10 November 2021

For citation:

Bovina, I.B., Ryabova, T.V., & Konkin, V.Y. (2021). To remember or to forget: Political repression in the collective memory of descendants. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(4), 825–848. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-4-825-848>

Bio notes:

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, Professor at the Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education. ORCID: 0000-0002-9497-6199, eLIBRARY SPIN-code: 9663-3747, AuthorID: 276224. E-mail: innabovina@yandex.ru

Tatiana V. Ryabova, PhD, Associate Professor of the Department of Personality Psychology, Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities. ORCID: 0000-0002-1517-2978, eLIBRARY SPIN-code: 2783-9961, Author ID: 895963. E-mail: riabova07@mail.ru

Vladislav Y. Konkin, psychologist, Medical and Flight Expert Commission. ORCID: 0000-0001-7325-1829. E-mail: vladis.konkin@ya.ru